

А М А С Т Е Х

ЭТОТ МИР РАЗРУШИТСЯ...

Рассказы

Перевод с западноармянского
Гургена Баренца

ЕРЕВАН

АРМАН 2014

УДК 891.981 - 32 Амастех
ББК 84 Ар - 44
А 610

Амастех

А 610 Этот мир разрушится... / Амастех; Перевод с западноармянского
Г. Баренца. - Ер.: Армав, 2014. - 192 с.

УДК 891.981 - 32 Амастех
ББК 84 Ар - 44

ISBN 978-9939-863-03-0

© Гурген Баренц (перевод), 2014
© Армав, 2014

ДОЖДЬ

1

Каждый раз, когда облака рассеивались, ветер сбрасывал с крыш листья высохшей травы, а озеро святого Огана волновалось, я вспоминал облик Гандзака Парсама. На его лице тоже был ветерок: вот почему его лоб всегда был изборождён морщинами, верхняя часть носа была вздернута, напряжена, всегда выглядела так, как будто он вот-вот чихнёт, хотя он вовсе не собирался чихать. Веки его глаз от тяжести нависали выше, словно были неудачной работой какого-то ювелира. Поговаривали, что Гандзак Парсам имел золота столько, что оно не поместилось бы в ослином ухе, что дед Гандзака Парсама переплыл Чёрное море и во время строительства церкви Св. Варфоломея проявил незаурядные архитектурные способности.

Гандзак Парсам рассказывал, что столь звучный отголосок церковных песнопений - это не что иное, как единичный образец архитектурного таланта его покойного дедушки: он, дескать, заложил в стены какие-то неведомые материалы...

По-видимому, в этом таилась причина того, что в доме Гандзака Парсама ощущался лёгкий душок мещанства. Кроме печи и подвала, у него была ещё и гостиная, в которой он, вместо того чтобы потчевать своих гостей вином или водкой, угощал их кофе в синих чашечках.

Гандзак Парсам тонко завязывал свой рукodelьный ночной чепец, любил салат, заправленный постным маслом, и имел особое пристрастие к игре в дамки.

Рассказывали, что ещё много лет назад, задолго до Уста Закара, первым человеком, открывшим в селе магазин, был Гандзак Парсам. Привёз несколько коробок спичек, соль, мыло, лопаты, бороны, плуги, лемехи, гвозди, папиросы, керосин, ручки, деревянные дощечки, мел, перья для ручек в форме рыб и многое другое и начал свою торговлю. Магазин располагался в его доме, который находился в той части села, откуда начиналась дорога к гумну.

Каждое утро, когда село уже бывало охвачено трудовой суматохой, и крестьяне вместе с волами впрягались в полевую работу, Гандзак Парсам открывал ворота своего магазина, приносил из ближайшего родника воды в небольшом кувшине, складывал куски мыла друг на друга и вспоминал, что вчера, во время игры в дамки с Ториком Гукасом вместо одного камешка отдал два.

В магазин вошла маленькая девочка с бидоном для керосина в руках.

- Мама сказала, что деньги отдадим завтра.

- Как поживает твоя мама? - спросил он, одновременно наливая керосин. - Письма получаете? Что вы жгли всё это время? Вот уже пятнадцать дней, как вы не покупаете продукты. **Яваш**^{*}, держи крепче, чтобы не пролить. Спроси у матери, что она делает с деньгами, получаемыми из Америки? - балагурил, шутил он, провожая свою маленькую покупательницу.

Село постепенно пустело. Можно было увидеть, как сапожник вышел из своей мастерской, на ходу стал свивать нить с помощью железного веретена, закручивая её, и приблизился к магазину Гандзака Парсама.

- Ты был вчера в городе? За сколько шла пшеница?

- К пшенице сейчас не подойти, Барсег; золото, оставшееся со времён Султана Сейлима, всплыло наружу. Убийственные цены, убийственные цены.

Сапожник вощил нить пчелиным воском, Гандзак Парсам прогонял мух, усевшихся на связки овощей, в то время как издалека слышался звук пилы Уста Закара - **хырз, хырз, хырз...**

Солнце напротив опрокинулось наземь, какая-то собака от скуки ткнулась мордой в калитку и прошла мимо. Гандзак Парсам брал в руки свой хозяйственный журнал, надевал очки, просматривал списки своих должников и, очень медленно двигая ручкой, тонким старческим почерком, формой напоминавшим ножки насекомых, добавлял новый кредит.

- Акоенц Ехсик - один кусок мыла, сорок пара.

Было то время дня, когда семидесятипятилетний Каро Бато, склонившись дрожащим телом на посох, выходил погреться на солнышке у стены магазина Гандзака Партева.

- Гукас должен прийти с минуты на минуту. Вчера ты не должен был взять этот камешек, нет, это было неправильно, - продолжал старик, наполняя свой чибух дрожащими руками.

Каждый раз, когда Гандзак Парсам и Торик Гукас начинали играть в дамки, старик усаживался рядом с ними и молча смотрел, раскрыв рот. Иногда только посмеивался - кхе-кхе - когда видел опасность, грозившую чьей-то дамке, когда кто-то из игравших попадал в ловушку или брал неправильный камешек. Ничего не говорил, и только на следующий день высказывал свое замечание:

---

* Турецкое выражение, означает: осторожно, тихо, спокойно, медленно.

- Нет, нет, ты не должен был брать этот камешек.

Гандзак Парсам и Торик Гукас были большими приятелями. Не проходило ни дня, чтобы они не приходили один к другому и не переживали бы радости игры в дамки. Торик Гукас гордился тем, что у него есть такой приятель, как Гандзак Парсам. Торик Гукас не был очень занят, подобно другим фермерам. У него не было столько работы, чтобы можно было путать день с ночью. У него было три земельных угодья, два вола, одна жена и один глаз, - вот и всё, что у него было. Каждый раз, когда он делал грядки в своем огороде или расчищал русло ручья, на уме у него был Гандзак Парсам, прохлада магазина и дамки. Камешки дамок обретали глаза, уши, рот. Торик Гукас вытирая пот, брал лопату на плечо и прямиком направлялся в село.

Село молчало. Иногда только слышались голоса пилы Уста Закара и петухов. Молчали также игроки в дамки, и только мягкое посмеивание старика нарушало их молчание. А иногда случалось так, что подобно шквалу, закатав белые голени и рукава, с красным вспотевшим лицом, вваливалась Хатуник-баджи.

- Прах на ваши головы! Амбары пустые, зерно не развеяно, на носу свадьба младшего сына, а они тут сидят в дамки играют. Ну-ка пошевеливайся, дай мне кусок мыла, чтобы я отнесла домой; туши собрались, нужно высушить стирку, пока ещё дождь не начался.

Гандзак Парсам, продолжая рассчитывать в уме ходы, давал ей кусок мыла. Хатуник-баджи удалялась, подобно буре, так же, как и пришла. Старик Каро бросал мимолётный взгляд на мясистую спину Хатуник-баджи и снова сосредоточивал внимание на игре в дамки.

- Возьми вот этот камешек.

- Взял.

- А теперь раз, два, три, вот этот камень становится дамкой.

2

Были первые дни весны: село было охвачено страдой, напряжённой работой. В обрамлённых длинными ресницами глазах волов и буйволов ширились зелёные горизонты весны. Шли первые дни полевых работ. Солнце восходило в глазах крестьян и в них же заходило.

Вот так они выходили на работу и возвращались с работы, и вечер смешивался с утром.

Из широко, настежь открытых дверей выходили ростки с мясистой

зелёной мякотью. В эти дни Торик Гукас также вывел двух своих волов, Тогана и Тигго.

Тоган был серый грузный вол, с отрезанным кончиком уха, короткими рогами. Он был из волов с горы Гараджа, купленный два года назад за пять золотых монет. Тоган, хотя и был грузным и прожорливым, но был при этом очень выносливым, мог долго трудиться. Торик Гукас часто сетовал, что Тоган сожрал все запасы припасённого на зиму сена. Когда он выходил из сеновала с мешком сена на плечах, Тоган сразу же вставал на ноги, не отводил от него глаз. Как только сено оказывалось перед ним, он зарывался в него мордой и уже не поднимал её.

"Ну ладно, не беда, - думал часто Гукас Торик, - сам зарабатывает, сам и проедает".

Заботой для Торика был вовсе не Тоган, а Тигго. Тигго в ту зиму еще больше отяжелел, с большим трудом поднимался на ноги. За три дня едваправлялся с сеном в яслях. Кости стали выпирать, глаза были затуманены, словно после заката солнца на поля сходила сизая дымка сумерек и наступал вечер. Когда он поднимался на ноги, то всей своей тушей несколько мгновений покачивался взад-вперёд и после этого уже не осмеливался оборачиваться.

Торик Гукас знал, что Тигго уже состарился. Но что он мог поделать в те трудные, полные лишений дни? В тот год хлопок продавался по очень низкой цене. На ремонт потрескавшейся стены пришлось заплатить три золотых. Если бы заботы не навалились на Торика Гукаса, то он непременно купил бы вола и стал бы крестником на церковном празднике Крещения Господня.

Торик Гукас подождал, пока весна вступит в свои права. Вместе с новой зеленью и новым солнцем Тигго, возможно, сумел бы собраться с силами, во мраке его глаз, возможно, заискрились бы зелёные цвета полей. Если бы он и в этом году с помощью Тигго справился с работой, то на будущий год, как говорится, Господь велик. Продал бы зерно, хлопок, купил бы нового вола, и нужды в Тигго больше не было бы.

В первые дни весны Торик Гукас также вывел соху в поле, вспахал его. Увидел, что рогаль у сохи ослабел. Затянул его потуже, закрепил. Привел в порядок лемех, который всю зиму был на простое, затем пошёл в коровник, чтобы вывести волов. Всё внимание Торика Гукаса было обращено на Тигго: как он двигался, как держал голову, как переставлял ноги. В тот момент, как его вывели за ворота, нога вола ударила о порог, и он чуть было не обрушился на землю всей своей тушей. Тигго

стоял посередине улицы - со своей бледно-жёлтой шкурой он был похож на сколоченное из досок изваяние, сделанное руками Уста Закара.

На соседних полях фермеры шли за упряжью, тянули ярмо, подавали голос друг другу, были веселы, очень веселы. Только на душе у Торика Гукаса было мрачно, как в глазах постаревшего Тигго. Хоть бы он благополучно отработал этот год...

- Мако! Эй, Мако! Хоть бы ты провалилась сквозь землю, - в сердцах позвал Торик свою жену. - Пошевеливайся, чего ты возишься? Ждёшь, когда солнце покажет свою пуповину? Битых три часа ты возишься с узелком для обеда.

- Мать честная! Да ладно тебе, какие три часа, ты же еще не надел упряжь на волов, - проворчала жена, протягивая ему узелок с обедом.

- Мало мне моих забот, так ещё и ты со своим длинным языком... Заткнёшься ты наконец или нет?..

Чтобы не спровоцировать ругань и брань, жена прикусила язык. Стыдно ведь перед соседями.

Торик Гукас отправился вместе с волами в путь, чтобы вспахать поле в Гохдаре. Солнце ещё не взошло, однако на восточном горизонте, казалось, занялся пожар, охвативший амбар с сухими снопами пшеницы. На синеватых склонах гор виднелись очертания волов и тружеников. Крестьяне поправляли лемехи, закрепляли плуги, чтобы приступить к работе, опередив солнце.

Солнце выходило и постепенно меняло расцветку полотен картин. По дороге Гохдара направлялся Торик Гукас со своими волами - Тоганом и Тигго. Солнце закинуло тень Тигго до самого горизонта напротив. Ах, какой же уродливой была его тень! Это была огромная скалоподобная масса, в ней выпирали растянувшиеся наподобие жерди круглые, кольцо за кольцом, кости рёбер.

Повсюду была весна, и только дорога Гохдара, казалось бы, все ещё переживала осень. Торик Гукас добрался до своего надела. "Бог в помощь", - сказал он и сжал рукоять плуга. Тоган стал тянуть плуг, Тигго последовал за ним, и они потащили плуг вдоль всего поля.

Солнце поднялось на уровень борозды. Синеватые мухи, одна за другой, прилетали и жужжали у самых ушей волов и улетали. Торик Гукас заметил, что Тигго постепенно стал замедлять свой ход: вся тяжесть сохи ложилась на Тогана. Несколько раз Торик хлестнул кнутом, однако Тигго от этого ещё более отяжелел. Торик Гукас остановил пахоту, потому что туша Тигго, подобно колебавшейся от землетрясения горе, покачивалась

взад-вперед. Он вынул чибух и с озабоченным видом присел в отдалении на небольшой холмик.

Другие уже успели всахать целое поле, а он за это время едва осилил восемь борозд. Эх, что он мог поделать, ведь он был беден. Если бы он мог в этом году впрячь вместе с Тоганом молодого вола...

Торик Гукас решил сделать ещё одну попытку. Он очень легко нажал рукоять плуга: ничего, пусть поле будет всахано не очень глубоко, поверхностно. Не успел он поправить лемех, как увидел, что Тигго всей своей тушей рухнул на всаханные борозды. Торик Гукас всполошился, снял с шеи вола упряжку и сделал бесполезную попытку поднять вола на ноги, чтобы напоить водой и отвести под тенистое дерево для отдыха. Полуденная жара всё больше усиливалась, и одышка Тигго становилась всё более и более тяжёлой.

Торик Гукас взвалил на плечи соху, оставил Тигго на полуvsаханном поле и вернулся прямиком в своё село со своим единственным оставшимся волом. По дороге он решил открыть свою беду приятелю, Гандзаку Парсаму.

- Здравствуй, Гукас, так рано ?..

- Почему бы тебе не спросить, в каком я состоянии, - ответил Торик, снимая с плеч соху и прислоняя её к стене. - Сегодня Тигго, старший вол, упал во время пахоты. Эх, что можно поделать во время весны, во время пахоты; что можно поделать с одним волом? Если бы у меня был осёл, я бы впряг его с Тоганом: если сумею дотянуть до сбора урожая, то - велик Господь, с Божьей милостью не пропал бы...

- Ты не горюй, Гукас, всё образуется, давай сыграем в дамки.

У Торика Гукаса на сердце кошки скребли; ему совершенно не хотелось ни возвращаться домой, ни играть в дамки. Гандзак Парсам между тем расставлял камешки дамок...

Торик Гукас хотел отдельно поговорить с Парсамом, пока еще не пришёл старик-сосед.

- Возьми камень, ну вот, раз, два...

- Парсам, - заговорил наконец Гукас, - кому ещё мне сказать, если не тебе? Ты же видишь моё состояние. В этом году из хлопка ничего не вышло.

Парсам смотрел на доску, делал в уме какие-то расчёты, в то же время одно его ухо было обращено к Торику Гукасу.

- Парсам, если можешь, протяни мне руку помощи, чтоб я мог купить

молодого вола. Если дашь мне пять золотых, я тебе во время урожая верну с лихвой.

Торик Гукас был серьёзен. Не поэтому ли покой и умиротворённость сразу же улетучились с лица Парсама, вместе с бровями поднялись вверх тяжёлые веки, лоб ещё больше наморщился. Он приподнял голову от доски и на мгновенье задумался; подумал, что Торик Гукас никогда не подведёт его, не останется в долгу, что ему можно было бы ссудить пять золотых - под хорошие проценты. В крайнем случае, он знал, что угодье рядом с Мостом прямо записано на имя Торика Гукаса, так что он мог заставить его продать либо поле, либо волов и вернуть свой долг.

- Это будет правильно, Гукас. Кому же ещё, как не такому другу, как ты, могу я дать деньги в долг? Я дам тебе пять золотых в это трудное время, реши свои проблемы. Я так тебе скажу: ты хороший человек. Однако существо, которое зовётся человеком, питается сырым молоком - кто может знать наверняка, что будет и чего не будет. Деньги - такая штука, что находится в пасти змеи, заработать деньги - дело не простое. Напишем сенед, уговор за подписями двух свидетелей, месячный процент на каждый золотой составит сто пара, не больше, но и не меньше. Продашь урожай пшеницы и вернёшь мои деньги вместе с процентами.

- Это ты хорошо сказал, Парсам: составим уговор, сенед, если хочешь, с тремя свидетелями. Даже если Торик Гукас испустит свой дух, он вернёт тебе эти деньги с лихвой. В этом отношении можешь быть спокоен. Я человек чести, Парсам. В этом году собираю засеять поля в Кармудже и Гохдаре пшеницей. А поле в Мархоне засею хлопком. Я твой долг не оставлю на одном только хлопке.

На следующий день в присутствии трёх свидетелей был написан долговой вексель и подписан обеими сторонами. Гандзак Парсам настоял, чтобы под векселем было написано не Гукас Торикян, а Торик, сын Казара, Гукас Торикян. Потребовал также, чтобы свидетели, ставя свою подпись, указывали также своё отчество. После того, как все подписи были поставлены, Гандзак Парсам отсчитал в ладонь Торика Гукаса золотые - раз, два, три, четыре, пять; каждая из пяти золотых монет была озвучена отдельно.

Всего лишь пять золотых из несметного богатства, из золота в меру ослиного уха, - невольно отметили про себя свидетели.

Торик Гукас, получив золотые, уже на следующий день, не мешкая, отправился на гору Гараджа, чтобы привести молодого вола. Гора Гараджа находилась на расстоянии двухдневного пути. Шёл пятый день, когда

Гандзак Парсам увидел Торика Гукаса сразу после его возвращения в село - с новым волом.

- Здравствуй, Гукас. Это твой новый вол? Да благословит Господь твою покупку, - заговорил Парсам и вышел из своего магазина.

Для того чтобы посмотреть на нового вола Торика Гукаса, вышли сапожник и Уста Закар.

Новый вол не был великаном, как Тигго. Рога у него были подобны полумесяцу, на лбу была небольшая отметина, хвост казался длиннее обычного - вол напоминал рисунок огромной коровы, нарисованной на камнях разрушенных крепостей.

Торик Гукас ожидал, чтобы собравшиеся высказали своё мнение, вернее, ему хотелось, чтобы его покупку похвалили.

- За сколько ты купил его, Гукас? - спросил Уста Закар, между делом осматривая зубы вола.

- Четырец половиной золотых, наличными деньгами, да ещё с каким трудом!

- Хорошо, Гукас, он ведь очень молодой. Может тянуть телегу, может боронить и пахать землю. Пусть Бог благословит.

Сапожник смерил взглядом длину хвоста и осмотрел копыта.

- Когда приведёшь его домой, Гукас, - заговорил старик, - не забудь разбить о его лоб свежее яйцо. Смотри, чтобы одна нога его полностью заступила за порог, - и он наклонился, чтобы осмотреть глаза. Красные и светлые глаза - плохой знак. Нет, у нового вола были крупные и тёмные глаза, с чернотой оливковых плодов. Чернота воловьих глаз является признаком изобилия.

- Как назвал?

- Тигго, - ответил Гукас.

Вол стоял растерянно, совершенно не воспринимая своё крещение. Иногда только мотал головой, чтобы прогнать пришедших с ним от самой горы Гараджка муравьёв, свисавших с его ресниц.

Торик Гукас подключился к работе со своим новым волом. Вскопал землю, засеял. В Мархоне засеял поле хлопком.

После посевных работ дела Гукаса полегчали на порядок. Каждый день он брал лопату и выходил в поле. Делал грядки, убивал мышей, поливал угодья, пропальывал хлопок, а иногда навещал постаревшего Тигго.

Вернувшись с горы Гараджа, первым делом перевёл Тигго из Гохдара в гумно. Тигго всегда, безвыходно, день и ночь был там, растянувшись на

земле в своей обычной позе. Торик Гукас иногда относил сушёную траву, иногда солому, но куры из соседних домов приходили и расклёвывали, разбрасывали всё это прямо перед ним. Прохожие нередко видели постаревшего вола, видели, как на его спине сидели куры или как петух, стоя прямо рядом с его ухом, своим звонким и бодрым голосом сообщал прохожему путнику полуденное время.

3

Была середина мая. Воздух стал необычным образом нагреваться. Уже больше недели не было дождя. Это было такое время, когда пшеница начинает колоситься. Торик Гукас подметил, что некоторые зёрнышки прорывали колосья и выходили наружу.

Дождь запаздывал. На лицах крестьян появилась лёгкая озабоченность: со дня на день они ожидали дождя.

Дождь запаздывал.

Больше всех остальных был озабочен Торик Гукас. Как ему не быть озабоченным? Пахота, засев, новый вол, пот, работа, долг, вексель, - после всего этого его мысли были заняты только урожаем, только бы собрать хороший урожай. Теперь Торик Гукас каждый день не спускал своего взора с небес и понапрасну искал глазами хотя бы маленькое облачко.

Торик Гукас заметил, что количество муравьёв вокруг старого Тигго необычным образом увеличилось. Журавли в эти дни необычным образом очень высоко расстирали свои крылья. Из-за горячего воздуха волы валялись в болоте, и солнце сразу же высушивало грязь на их спинах. Торик Гукас, как обычно, держа руку козырьком на лбу, поискав глазами хоть какое-то подобие облака и нашёл малюсенькое облачко размером с овчинку, раскрывшееся над ивняком Маргара. Сосед Акоб также рассматривал со своего поля то же самое облачко, которое напоминало распластанную козью шкуру. Торик Гукас, с лопатой на плече, подошёл к соседу Акобу.

- Вот уже сколько времени это облако находится в том же самом месте.

- Я тоже недавно его заметил.
- Хоть бы журавли слетели вниз...

Два фермера наблюдали за светлым облачком, которое постепенно стало обретать очертания белки. Увидели, как хвост отделился, затем туловище разделилось надвое, голова оторвалась и исчезла, испарилась...

Оба фермера опустили глаза долу.

- Я сегодня видел, что мельник Наво запер свою мельницу и вышел.

- Ну, а как же, ведь не знаешь, что делать - то ли воду на мельницу лить, но ли поле поливать. Воды стало так мало, что пока доведёшь её до своего поля, твоё время закончится.

- Вчера Мато и Хемел Минас чуть было не раскроили друг другу головы лопатами.

- Почему?

- Мы выступали в качестве посредников и разделили воду мельницы на две части, очень хорошо распределили - поровну, ни кому-то больше, ни кому-то меньше. У обоих было два часа на пользование водой. Но поди ж ты, этот Мато пришёл, положил на месте водораздела маленький камень, чтобы в его сторону шло больше воды. Стали размахивать лопатами друг на друга. Если бы нас там не было...

- Это дело никуда не годится, Акоб: не можешь смотреть в лицо пшенице. Сердце не лежит идти на свое поле. Нужно бы собраться крестьянами, пойти с зурной и доолом и найти источник мельничной воды, копать-перекопать, увеличить воду.

- А по мне так нужно всем селом, от мала до велика, установить контроль над водой, да, контроль...

Так беседовали два фермера и озабоченно направлялись в село. У них под ногами сновали ящерицы. Был вечер: журавли стали снижаться; за спинами двух фермеров угасало солнце.

Теперь уже Торик Гукас не испытывал большого удовольствия от встреч с Гандзаком Парсамом, поскольку заметил, что лицо его постепенно становилось всё более и более суровым. Гандзак как-то особенно интересовался состоянием пшеницы, и было в нём какое-то беспокойство. Вчера он собирался что-то сказать, но так и не сказал.

- В каком состоянии твоя пшеница, Гукас? - заговорил Гандзак Парсам, и на его суровом лице не дрогнула ни одна мышца.

- Вот уже целую неделю разрываюсь на части, чтобы подвести к пшенице хотя бы немного воды. Вчера еле успел довести до поля воду с мельницей, как увидел, что сверху её перекрыли. Что можно успеть полить за три часа?

В магазин зашёл маленький мальчик с бидоном для керосина. Парсам пошёл, чтобы налить керосина, а Гукас воспользовался случаем и ушёл. Как было ему не уйти: ведь он догадывался, к чему клонит Парсам, со дня на день он готовил почву, чтобы сказать то, что было у него на языке. Вот

уже неделя прошла с тех пор, как он заметил, что Парсам больше уже не предлагает ему сыграть в дамки, и даже не собирается делать этого. Из этого он сделал умозаключение, что отношение Парсама к нему изменилось. Эх, ну что он мог с этим поделать, ведь все остальные крестьяне также были в таком же положении.

В один из вечеров, когда Торик Гукас, съев несколько ложек обеда за ужином, собирался пойти к камню Оливы, чтобы встретиться с односельчанами и предложить им установить дежурство и контроль за водой, увидел, что в дверь вошёл Гандзак Парсам.

- О, здравствуй, Парсам! Заходи, садись, сосед. Эй, жена, это Парсам пришёл, постели циновку, прибавь огня в светильнике.

Жена Торика постелила циновку, и они уселись на веранде.

- Эй, жена, приготовь яичницу с луком, принеси водки, будет неплохо и салат приготовить. Парсам, если бы у меня были камни для дамок, мы бы с тобой поиграли как следует: сколько времени уже не играли.

Гукас и Парсам немного помолчали. По балкам кровли спускалась чёрная кошка соседа.

- А я как раз собирался пойти к камню Оливы, чтобы сказать, что необходимо охранять воду. Пока мы не станем охранять воду, не будет вообще никакого прока. Смотрю на пшеницу, просто плакать хочется.

Жена Торика принесла поднос с едой, бутылку водки и несколько ломтиков сыра. Поставила всё на середину стола и ушла. Женщина была явно обижена. Почему Торик при госте покривляет на неё - это принеси, то принеси. Разве он приносил когда-нибудь хоть что-нибудь из всего этого? А ведь такое случалось не раз и не два. Это было одной из самых главных печалей и горестей Мако-баджи.

Торик Гукас безмолвно рассердился на жену. Эх, если бы не было гостя, он указал бы ей её место.

- Гукас, - заговорил наконец Парсам. - Когда смотришь корове в морду, то можешь определить, даёт это корова молоко или нет. Если засуха продолжится, в этом году не будет никакого урожая. Мы ссудили тебе денег, в присутствии свидетелей заключили договор, сенед. Пшенице грозит большая опасность. Ты поступишь хорошо, если с нынешнего времени начнешь заботиться о выплате долга. И смотри, я говорю тебе это как другу.

- Парсам, ну откуда я могу достать эти деньги? Если в этом году мы не получим урожая, то, наверно, Господь откроет другую какую-нибудь дверь. Торик Гукас разорвётся на части, но от своего долга не отречётся.

- Если ты не вернёшь мне мои деньги, то потом не говори, что Гандзак Парсам - плохой человек. Есть уговор, сенед, свидетели, правительство. Ждать урожая - гиблое дело. Колосья пшеницы уже пожухли. Какой урожай? Не будет никакого урожая. Продай своих волов, Гукас, продай плуг, соху; поле в Кармудже записано на твоё имя, продай своё поле, в общем, сделай всё, что можно, но долг Гандзаку Парсаму верни. И поверь мне, я говорю тебе это как другу.

Гандзак Парсам не выпил водки, не отведал даже сыра. Высказал то, что давно уже намеревался сказать.

Прежде всего, он хотел обеспечить возврат своих денег. Кто знает, что может случиться, что может произойти. Вот уже целый месяц прошёл, как не выпало ни капли дождя. Мельницы закрылись, воды стало значительно меньше, день и ночь из-за воды происходили нескончаемые ссоры и свары между крестьянами. Гандзак Парсам прежде всего хотел обеспечить возврат своих денег. Он был предельно краток и вышел за двери дома Гукаса.

Гукас наконец-то нашёл повод и выплеснул всю накопившуюся горечь на жену.

- Ах ты собачье отродье! - рассердился Торик Гукас на жену. - Я ведь сказал тебе, чтобы ты сделала яичницу, приготовила салат; если не было томата, не было яиц, то можно же было приготовить хотя бы салат. Взяла бы лук и петрушку, полила бы уксусом - получился бы салат.

- Как мне приготовить салат? - дома ни уксуса, ни петрушки.

- От тебя только и слышишь: этого нет, того нет; вот и довела меня до этого состояния, собачье отродье. Сорок раз я тебе говорил - не говори "нет", из-за этого вся благодать нашего дома улетучилась. Гандзак Парсам никогда до этого не приходил к нам домой. Я не хочу, чтобы мои друзья говорили, что Торик Гукас живёт натощак.

- Пусть будет проклят такой друг, который приходит, пытается влезть обоими ногами в один ботинок и требует денег, заставляет тебя продать волов и землю.

Женщина была права. Если бы он не завёл привычки сердиться на жену, то не сделал бы и этого замечания. Слова Гандзака Парсама ещё больше обескуражили его. Вот почему его гнев был столь мягок, что он не обратил внимания на ответ жены.

Однажды в воскресный день, по дороге в церковь, Гандзак Парсам заметил, что жена Торика Гукаса надела на голову новый платок. Он пристально, внимательно посмотрел на свои туфли и пробормотал: "Долга

своего не возвращает, а на голову жены надел новый платок. Откуда у него эти деньги? Добротный платок, он стоит по меньшей мере четыре куруша", - и прямиком направился к дому Торика Гукаса. Увидел, что накрыли на стол и готовятся есть хаш с чесноком.

- О, здравствуй, Парсам, заходи, садись, а я как раз намеревался пригласить тебя поесть с нами хаш. Эй, жена, приготовь-ка для нас салат...

- Нет, нет, я должен идти. Гукас, как я вижу, ты ничего не предпринимаешь, чтобы вернуть мои деньги. Гукас, я отсчитал тебе пять жёлтых золотых монет. Есть свидетели, есть уговор, сенед, есть правительство.

- Э, Парсам, твой долг на мне: если будет возможность, не буду дожидаться урожая. Да, да, если не будет урожая, если не будет дождя, продам свой дом, но деньги твои верну.

- Урожая нет, Гукас. Если не будет дождя, если не будет воды, то откуда возьмётся урожай?

В это воскресенье Торик Гукас был настроен с большим аппетитом съесть свой хаш, сдобренный чесноком, если бы перед ним не возник его заемодавец. Аппетит исчез: он придумывал всё новые способы убеждения неумолимого кредитора, раздумывал, как бы повыгоднее продать волов. Гандзак Парсам был не из тех, кого легко можно было уговорить.

В полуденных полях был какой-то удушливый покой: не было ни ветерка, не шевелился ни один лист на деревьях, вдали колебался пустынный зной. Солнце постепенно желтело и обретало цвет постаревшего вола, Тигго. Крестьяне подавали друг другу голос. Солнце занялось.

Это был дурной знак, да, дурной знак. Дьякон Макар посмотрел в церковный календарь. Было странно и удивительно: календарь предписывал "Мир между царствами и обильные дожди". Торик Гукас услышал это и направился прямиком в магазин Гандзака Парсама.

- Парсам! Парсам! Сегодня или завтра, календарь говорит, сегодня или завтра должен пойти дождь...

Прошли и сегодня, и завтра. Дождь запаздывал. Гукас оказался в стеснённом, отчаянном положении и загадывал дождь по разным знамениям. Как-то он увидел, что их домашняя кошка уселась на крыше и облизывала лапку: это был знак дождя. Это показалось Торику Гукасу настолько символичным, что он решился было пойти к Парсаму и сказать, что будет дождь, потому что кошка сидела на крыше и умывалась.

Гандзак Парсам увиделся с несколькими свидетелями: свидетели также рассчитывали, что кредитор возложит решение вопроса на правительство.

Что ему сказать, как его уговорить?..

Каждый раз, когда он видел лицо Гандзака Парсама, ему казалось, что перед ним предстал сам предводитель дьяволов без крыльев. Улыбка безвозвратно сошла с его лица, высохла, словно затянутая паутиной раскрывшаяся расщелина у камня Св. Саркиса, из которой, возможно, когда-то исходила ключевая вода. Нос у него был задран, ни одна муха не должна была осмелиться сесть на него.

Эх, какие хорошие были деньки, когда он во время полевых работ вспоминал влажную прохладу магазина Гандзака Парсама и игру в дамки. Запахи керосина и мыла в магазине казались более приятными, нежели аромат ладана в церкви. В движении одного камешка дамок, казалось, было больше смысла и таинства, чем в проповеди священника, начинавшейся словами "Благословенный народ". Вот почему он нередко отлынивал и не хотел идти в церковь.

Какие славные были дни, когда на лице у Гандзака Парсама играла улыбка. Однако теперь его лицо было жёстким, словно горная скала, монолитная и металловидная. Его шаги отдавались в Торике глухим и мрачным отголоском. Он безошибочно узнавал Гандзака Парсама, когда тот стучался в его двери. О чём бы они теперь ни говорили, каждый раз, когда Гандзак Парсам заходил к нему в дом, то заносил руку под полы пиджака, доставал полотняный конверт и среди тысячи и одного листочка разных бумаг, купчих, долговых расписок, векселей и расписок находил вексель, заключённый между ним и Гукасом, и грозил, угрожал...

4

Мельничной воды стало ещё меньше. Солнечный свет стал ещё более горячим и белым. Во всем селе только на лице Хатуник-баджи можно было увидеть улыбку. С какой стати лицо её должно было быть мрачным? Делала свою стирку, развешивала бельё на верёвках, прикреплённых с четырёх сторон крыши, высушивала и в идеально чистом виде складывала белоснежное бельё.

Почва на полях стала трескаться, все крестьяне от мала до велика, со священником и дьяконом, с евангелием и люпитром вышли дежурить, стеречь воду. Священник с крестом и кадилом выполнил церковную службу "благословения", поочерёдно отдавая поклоны на все четыре стороны света.

Содержание

Дождь	3
Голуби	20
Кукла	48
Голубая бусинка	60
Жених Ован	65
Маркар, сын Макара	71
Дневник Зайца	96
Этот мир разрушится	100
Ожидание	119
Необычная женщина	132
Поцелуй	157

АМАСТЕХ
ЭТОТ МИР РАЗРУШИТСЯ...
(Рассказы)

Перевод с западноармянского
Гургена Баренца

ՀԱՄԱՍԵՐ
ԵՍ ԱՇԽԱՐՅՈ ԿԸՓԼԻ
(Պատմվածքներ)

Արևիմտահայերենից թարգմանեց Գուրգեն Բարենցը

Типография - оффсет
Размер - 60x84 1/16
Объем - 12 п.л
Бумага - оффсет 70 г. (1.8)
Шрифт - Russian Text Book
Тираж - 400
Напечатано в “Антарес”
Адрес г. Ереван, Багратуняц 2/23..